

Крусс Владимир Иванович*,
заведующий кафедрой теории права
ФГБОУ ВПО «Тверской государственный университет»,
доктор юридических наук, профессор
(г. Тверь)

НАРОДНЫЙ СУВЕРЕНИТЕТ И ВЕРХОВЕНСТВО ПРАВА: АКТУАЛЬНЫЙ КОНТЕКСТ

Широко известные, повсеместно цитируемые, и потому, в том числе, неуклонно теряющие свою риторическую убедительность и силу, декларации практической ценности форм непосредственной и представительной демократии как политической основы правовой государственности сегодня нуждаются в критическом анализе и ответственной переоценке. Науке конституционного права, во всяком случае, не к лицу делать вид, что в этой сфере всё по сути благополучно и актуальны только нормативно-технические аспекты доработки механизма обеспечения тех ключевых идеологем, которые на Западе около двухсот лет назад обеспечили революционное преодоление эпохи аристократического этатизма и экстенсивную конституционную модернизацию политических систем, затем продемонстрировали трагическую совместимость с мифологией тоталитаризма, и, наконец, после Второй мировой войны, – когда, казалось бы, уже ничто не противостояло примату правовой демократии, – обнаружили свою имманентную имитационную «изнанку», постмодернистское и постиндустриальное тяготение к симулякрам (Ж. Бодрийяр) представительных инсталляций.

На Западе наиболее честные (и авторитетные) интеллектуалы, задолго до того тектонического катаклизма (В.В. Путин), в котором погибла советская государственность «развитого социализма», начали говорить о тревожных аффектах демократической мимикрии, необходимости новых подходов и институциональных ресурсов противодействия выхолащиванию демократических форм и принципов,

---

* © Крусс В.И., 2014

неконституционному самопрограммированию и самовоспроизводству политической власти (Ю. Хабермарс и др.). Пришло доктринальное (не для широких аудиторий) понимание того, что никакая избирательная система обеспечить связываемые с нею надежды на демократическую справедливость и равенство не может. Между тем как значительная часть российской научной интеллигенции, с присущей ей готовностью к апологетике всего «прогрессивного», относилась к таким высказываниям более чем сдержанно, фактически только констатируя их наличие, подобно тому как ранее она соглашалась признавать известную верифицируемость «буржуазных фальсификаций» научного коммунизма. Почему-то (по умолчанию) считалось, что «новая демократическая Россия» застрахована от такого рода девиаций и получивший, наконец, достоверные конституционные политические права и свободы российский народ будет пользоваться ими увлеченно и эффективно, памятуя о своем непререкаемом суверенитете и добиваясь тем самым добросовестного отношения публичной власти к осуществлению доверенных ей функций. По мере же того, как обнаруживались признаки иного положения дел, российская наука права начинала (и продолжает) критиковать либо входящую в противоречие с некими «оптимальными моделями» практику политического властвования, либо (только) – ее обеспечивающие технологии консервации («внутренней ротации») публичных институтов. Во втором случае учеными-юристами акцент делается преимущественно на недостатках российского избирательного права и законодательства, как вполне осознанно и искусно культивируемых продуктов. Нередко объектом подобной критики оказывается и Конституционный Суд РФ; в нем видят некий юридический «ареопаг», игнорирующий доводы и аргументы научной оппозиции, но зато готовый подтвердить конституционность (легитимировать) любое очередное законодательное решение, «политически просчитанную» избирательную конструкцию, и даже поступиться ради этого собственными ранее выработанными правовыми позициями.

Все это весьма печально, насколько уместны такие эмоции для науки права. Во всяком случае, мне трудно не сожалеть о несправедливом (в данном случае – недостоверном) характере соответствующего

щих упреков в адрес Конституционного Суда РФ. Недостоверном уже постольку, поскольку оппоненты игнорируют – необходимую для практической состоятельности современного права – презумпцию истинности установлений и выводов высшего органа российской конституционной юстиции, во-первых, и явно недооценивают масштаб конституционной дискреции российского законодателя (во-вторых). Другое дело, что опровержение каждого из подобных обвинений в адрес Конституционного Суда РФ нуждается в отдельном развернутом анализе, требует последовательного проникновения в глубины современной, чрезвычайно «плотной» конституционно-правовой материи, чего формат моего выступления не позволяет. Поэтому в предусмотренное для выступления время я хочу, пусть в общих чертах, затронуть чрезвычайно важную и предопределяющую, на мой взгляд, обозначенные коллизии проблему современных политических, социально-правовых реалий, а именно: природы (сущности) – допустимых параметров и назначения – демократической модели государственности как таковой.

Упомянутые мною в начале выступления идеологемы общеизвестны, исторически утвердились и оформлены на сегодняшний день на уровне легальных конституционных принципов. Это принцип народного суверенитета и принцип верховенства права. Каждый из них по-своему «привлекателен» и непререкаемо важен. При этом «в тени», без надлежащего критического внимания, остается деструктивная напряженность возникающего и всегда существующего между ними, активно влияющего на социальную статику и динамику «силового поля» предпочтений и требований. Напряженность эта, как я уже заметил, носит перманентный, неустранимый характер, но особенно обостряется она на фоне очевидного ускорения социального времени и обусловленной этим ускорением политической гиперактивности масс (Ортега-и-Гассет), так тревожно и разрушительно заявившей о себе на Украине.

Если говорить об исторических предпосылках, то оппозицию этих принципов (народного суверенитета и верховенства права) мы находим уже в античную эпоху, в колыбели западной цивилизации. Принцип верховенства права получил философское обоснование в

идеалистическом учении Платона о природе и ценности божественного (истинного) закона, предполагающего правление мудрых (знающих). Соответственно, гипотетическим местом локализации «народного суверенитета» у него остается уровень третьего («экономического») сословия в идеальном государстве. Тогда как Аристотель – единственный конгениальный ученик (всегда, по констатации Ницше, предающий учителя) «божественного философа» – методологически редуцируя и «приземляя» этот посыл, доходит до обоснования политики, где разрушительная для верховенства права идея абсолютного народного суверенитета преобразуется в демократический формат, предполагающий и олигархическую институциональную составляющую. Именно эта составляющая купирует крайности демократии и придает такой политической системе необходимую взвешенность, консолидированность, жизненность. В целом подобное устройство, по Аристотелю, вполне сочетается и с принципом верховенства права, как меры политической справедливости. На деле, однако, столь привлекательная конструкция Аристотеля, никогда не получила практического осуществления, как и «фантастические» проекты Платона. И величайшее личное разочарование в жизни Стагирита (провал «проекта» Александра Македонского) заключалось в осознании этой неосуществимости.

Позволю себе еще одну историческую ремарку: отсылку к учению, актуально проецирующемуся на пространство современных идеологических дискуссий. Это блестящее, по канонам классической методологии, и на удивление мало востребованное наследие предвестника европейской секуляризации и интеграции М. Падуанского, который, в XIV веке, в знаменитом трактате «Защитник мира» сначала дал исчерпывающую рационально выверенную трактовку теории народного суверенитета, а затем – во второй части своего сочинения – не менее блестящим образом подчеркнул ее практическую несостоятельность. Безотносительно к подоплеке и драматической мотивации такого идейного «отречения», оно остается прагматически рациональным. Народ, представляемый как источник всякой публичной власти, включая власть духовную, действительно вначале (государствогенез) выступает на исторической сцене ини-

циатором политических процессов и творцом политических реалий, но далее подобное продолжаться не может. М. Падуанский разрешает очевидное для него противоречие посредством эвристической посылки о делегировании народного суверенитета правящим элитам. Теория народного суверенитета переводится, тем самым, в совершенно иное онтологическое и практически приемлемое качество, которое позднее будет воспринято в доктринальных обоснованиях итальянской социологической школы права (Г. Моска, В. Парето и др.) и технократических концептах. И совершенно не случайно, на мой взгляд, в советской юридической науке, именно этим теориям приписывалось наиболее эпигонское, ненаучное, не соответствующее реалиям социально-политического контекста и истории классовой борьбы значение: «советская демократия» также всегда хотела оставаться «вне подозрений» как и демократия «буржуазная».

Неоправданно игнорируемое юриспруденцией в целом и наукой конституционного права, в частности, онтологическое отторжение, существующее между теориями (и принципами) народного суверенитета и верховенства права, сегодня усугубляется их обоюдной, встречной и губительной девальвацией. Как известно, всякая идея, доведенная до логического конца, превращается в абсурд и вырождается. Теория народного суверенитета, «обогащенная» идеалами плюралистической демократии и мультикультурализма, на наших глазах трансформируется в некую теорию хаотического симбиоза «суверенных» меньшинств. Народы (нации), безотносительно к тому, как они себя позиционируют, переходят в качественное состояние «масс», хотя и не способных к государственному созиданию, даже при номинальном признании их субъектами политических отношений, но претендующих на решающее значение своего согласия и участия. Однако социальная эволюция (развитие, жизнь) невозможны без идеологического вменения и политического воздействия. Поэтому номинация субъекта управления, хотя бы и спорадическими социальными процессами, конечно, сохраняется, но «ретушируется» в контексте демагогической атаки СМИ на приверженцев «конспирологических теорий» и принципа толерантности. При этом Запад, наиболее преуспевший в технологиях такого ретуширования, утверждает за собой

исключительное право на демократические оценки и рейтинги.

Кто же при таком положении дел реально претендует на ведущую политическую номинацию? Приходится признать: современные массы проявляют себя таким образом, что, постепенно, но неуклонно, на первый план выходят так называемые меньшинства. Это могут быть меньшинства известного рода, объединенные по признаку, о котором здесь не стоит говорить. Однако куда более значимой представляется по-прежнему традиционная элитарная консолидация меньшинств на платформе единства власти и собственности, а наиболее опасными – меньшинства националистического толка. В любом случае меньшинства являются социальными структурами наиболее консолидированными, наиболее «профессиональными» по своей политической устремленности к власти и готовности бороться за нее, наиболее враждебными по отношению к чуждой им народной целостности. Легко добиваясь первых успехов на фоне массовой отстраненности (отчуждения) и благодушия, затем все более агрессивно и безапелляционно, используя и традиционные (восходящее к рецептам Макиавелли), и новейшие «гибридные», информационные ресурсы и технологии, они утверждают свои эксклюзивные притязания на воплощение народного суверенитета, не останавливаясь ни перед чем. Не мешает им в этом и формально конституционный контекст политического предприятия: если в «конституционном» измерении теряется «суверенное» начало, в нем пропадает и народная составляющая. Тогда, например, Майдан (ничтожно малая во всенародном масштабе величина) присваивает себе статус субъекта конституционного права, а те, кто охраняет подлинный конституционный правопорядок, объявляются преступниками.

Социальные меньшинства далеко не однородны: в каждом из них есть «внутренне» меньшинство, наиболее «достойное» такого титула по своим качествам, которое на определенном этапе политического восхождения и присваивает себе решающим образом руководящее верховенство. Этому кругу лиц вполне понятна фактическая неконституционность их предприятия и потому они стремятся к закреплению новой легитимности, к легализации достигнутых результатов и вновь сложившихся отношений, выходят на новый уро-

вень социальной конфронтации, когда та же – всегда только декларируемая – демократическая толерантность начинает утверждаться средствами физического подавления.

Вернемся к принципу верховенства права. Что происходит с правом в контексте вырождения народного суверенитета до политического проекта «верховенства меньшинств»? Верховенства, утверждаемого насильственно, но со ссылками на международное право и право прав человека. Полагаю, следует признать, что и право, и принцип его верховенства в такой перспективе оказываются глубоко деформированными и едва ли не девальвированными в аксиологической диспозиции современности. Также впервые обозначившееся в античную эпоху (Сократ и софисты) противостояние конституционно-правовых (по сути) ценностей, каковые не могут быть обособлены по групповому признаку, и ценностей сугубо экономических, отвлеченных от измерения идеального (духовного и нравственного), следует признать разрешенным далеко не в пользу первых.

Выраженное мнение далеко не равнозначно признанию окончательной потери (утраты) принципа верховенства права. В России названный принцип не только может быть воплощен, но и воплощается в принципе (требовании) последовательного утверждения реального конституционализма, базирующегося на ценности конституционного суверенитета. В политической плоскости этот принцип может быть оформлен как конституционная демократия. Да, это еще не реальность как таковая, но это реальность возможного и должного.

Суверенная национальная конституция предопределяет право, является его единственным, полноценным и потому легитимным средоточием и выражением. Конституционно не примененное противоборство принципов народного суверенитета и верховенства права неизбежно выльется в отрицание принципа верховенства Конституции. В частности, украинская политическая власть на сегодняшний день не может быть признана легитимной, потому что она утвердила свое политическое верховенство не в силу вынужденного бегства легального президента страны, но

символически постановив на колени Конституционный Суд Украины. Фактически так же, как реально были поставлены на колени и принуждены каяться «перед народом» охранявшие национальную конституцию и конституционный правопорядок бойцы украинских правоохранительных органов. Поэтому говорить о легитимности существующей политической власти на Украине – с позиций конституционного правопонимания – нельзя.

Украинский кризис – яркая и трагическая иллюстрация следствий недооценки латентного «антагонизма» принципов демократии и верховенства права – побуждает задуматься о проблеме конституционной достоверности современных демократий. Исходя из того, что в современной ситуации политическое верховенство и самовоспроизводство элит (т.е. – меньшинств) де-факто неизбежно, задача конституционного права, на мой взгляд, заключается как раз в том, чтобы это верховенство было конституционно-институциональным образом ограничено. И в этом смысле нужно открыто ставить вопрос о политических элитах, обсуждать и оценивать их конституционную состоятельность, включая формы и практики культивирования, ротации, поддержки, финансирования. «Правящий класс» (как и любое меньшинство) не может иметь неконституционных привилегий, тем более – «особых прав». По мере того, как права человека превращаются в права меньшинств, они теряют связь с правом: соответствующие притязания уже лишены конституционно-правовых коннотаций; одновременно, поскольку такая связь все-таки признается и утверждается, право в целом перестает быть феноменом достойным признания его политико-нормативного верховенства. Нужно добиться того, чтобы в ситуации должного, реального верховенства Конституции РФ и права элитарное развитие, элитарная институционализация приобретали конституционно допустимые конфигурацию и параметры. Для этого следует отказаться от узкого понимания предмета конституционного права, от интерпретации его, как своего рода политического права, и говорить о конституционном праве в широком (всеобъемлющем) смысле слова, насколько всеобъемлющи, по Конституции РФ, направле-

ния и формы обеспеченного пользования правами и свободами человека и гражданина.

В демократическом правовом государстве среди социальных отношений и практик нет и не может быть тех, которые не нуждались бы в конституционно-правовом осмыслении, не содержали бы соответствующих такому анализу конституционно-правовых элементов. Науке права следует сосредоточиться на разработке необходимых для реальной конституционализации нормативных моделей, конструкций, равно актуальных и для уже сложившихся элит, и для приближающихся к элитарному статусу социальных групп, и для активно стремящихся к такому признанию персонажей.

Развернутых обоснований конституционной модернизации ждут от юридической науки такие, например, важнейшие социальные сферы как образование, наука, культура. Здесь, на конституционном уровне мы должны объяснить, например, почему «рекордсмены» по ЕГЭ, поступившие в ВУЗы, делают затем десятки грамматических ошибок на одной странице в своих письменных студенческих работах? Почему ни один победитель гуманитарных олимпиад в моей родной Твери не подал за последние годы заявления о поступлении на юридический факультет Тверского государственного университета, в гимназии которого он, собственно, и получил свои «неординарные» знания? (Как и убеждение в том, что путь в российскую юридическую элиту лежит только через московские или петербургские ВУЗы.) Почему профессиональную пригодность преподавателей российских вузов, включая ученых-юристов, определяют по количеству публикаций в изданиях, индексируемых в системе Web of Science, которые практически никто (включая законодателей и судей) в России не читает и даже не имеет к ним доступа? Почему, наконец, в системе оплаты труда профессорско-преподавательского состава российских ВУЗов (как, кстати, и у «элитарных» государственных служащих) существует настолько сложная модель расчета заработной платы, — т.е. ожидаемых (заслуженных) результатов труда, что самостоятельно сделать это работнику (служащему) невоз-

можно?

Ряд поставленных таким образом вопросов, можно продолжать долго. И каждое «почему» здесь имеет своим ключевым рефреном другой вопрос: «конституционно ли»? Имплицитным же образом все они выходят на проблему, без решения которой вряд ли возможен народный суверенитет в правовом и социальном государстве: почему глубокоуважаемый Конституционный Суд РФ последовательно уклоняется от оценки конституционности политико-экономических и бюджетно-финансовых решений, принимаемых на высшем государственном уровне, чем вполне благополучно занимается, например, Конституционный Суд ФРГ?

Качество и будущность российской юридической элиты есть вопрос сугубо конституционный, и от того, в какой мере наука конституционного права будет участвовать в его решении, во многом зависят благополучие России и достоверность суверенитета российского народа. Крайне опасно пренебрегать этой проблемой. При этом важно учитывать, что юридическая элита должна принципиально отличаться от элиты политической, поскольку исторически сложилась и не может быть устранена фундаментальная оппозиция политики и права. Только качество «конституционного» способно примирить такую оппозицию. России равно нужны элиты и конституционно-юридическая и конституционно-политическая.